

Ольга
ИГОНИНА

ИЗМЕНА

Ты меня разлюбил

Ольга Игони́на

Измена. Ты меня разлюбил

«Автор»

2026

Игонина О.

Измена. Ты меня разлюбил / О. Игонина — «Автор», 2026

- Подожди, - Макс говорит в трубку, он нажимает на наушник и случайно включает громкую связь.- Жду завтра, - доносится женский голос из динамика. - Я купила то белье, о котором ты просил. Хочу показать тебе вживую. Макс замирает, смотрит на меня, понимает, что я все слышала. Муж прикрывает трубку ладонью.- Ань, это не то, о чем ты подумала,- О чем я подумала? - спрашиваю я тихо. - О том, что ты лжешь мне в лицо? Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание.- Это не любовница, - говорит он. - Это не то- То! Ты так и не научился врать.

Содержание

1.	5
2.	7
3.	9
4.	11
5.	13
6.	15
7.	17
8.	19
9.	21
10.	23
11.	25
12.	27
13.	29
14.	31
15.	33
16.	35
17.	37
18.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Измена. Ты меня разлюбил

1.

— Ну что опять? — шепчу я себе, нажимая на изображение. Терпеть не могу все эти интернетные открытки и поздравлялки.

Нажимаю на картинку, она медленно разворачивается на весь экран.

Сначала кажется, что это реклама или чья-то глупая шутка. На фото — женские стройные ножки в туфлях на тонком каблучке. Рядом — мужская спина, обнажённая, мускулистая. И кажется, очень знакомая.

Я замираю. Сердце начинает биться быстрее. Увеличиваю изображение.

И тогда вижу.

Хвостик от татуировки. Его татуировка!

Мои пальцы судорожно сжимают телефон. Я отдёргиваю руку, как будто экран обжёг меня. Смотрю на Максима: он лежит спокойно, без тревог, как будто ничего не произошло.

Встаю с кровати, иду в ванную, закрываю дверь. Стою перед зеркалом. Смотрю на себя — бледная, напряжённая, с огромными зрачками. Снова смотрю на фото: может, мне показалось. У Макса большая синяя волна под рёбрами, она немного заходит на бок, на спине виден совсем маленький хвостик — такой же, как на фото.

Телефон снова дрожит. Ещё одно сообщение.

«Убедилась? Ты для него больше никто. Просто балласт, который он тянет.

Он сегодня уедет в командировку... но не к клиентам. А ко мне.

Ты убирайся. Он давно тобой не дорожит».

Я роняю телефон. Он ударяется об пол с глухим стуком. Руки дрожат. Ноги подгибаются. Голова кружится. Я прислоняюсь к стене, пытаюсь отдышаться.

— Не сейчас, — шепчу я себе. — Не плачь. Не сейчас.

Спальня вокруг уже не кажется безопасным местом. Стараюсь не накручивать себя: нужно во всём разобраться!

На туалетном столике — флакон духов, которые он подарил мне на годовщину. Фотографии в рамке — наши свадебные, счастливые, настоящие. Теперь они кажутся фальшивыми.

Я подхожу к шкафу, открываю чемодан. Начинаю складывать его вещи. Джинсы. Рубашки. Костюм. Туфли. Как будто упаковываю не одежду, а ложь.

— Коть, а что происходит? — Макс поворачивается ко мне лицом. Не могу отвести взгляд от его татухи. — Ты в путешествие собралась?

— Я поеду с тобой, — говорю вслух. — Я никогда не была в Нижнем. Говорят, отличный город. Я хочу посмотреть на этот город. И на неё тоже.

Его улыбка гаснет. Только на мгновение, но я успеваю заметить.

Он не отвечает. Только делает шаг ближе. Его рука скользит по моей шее. Пальцы играют с прядью волос. Губы почти касаются моих.

— Останемся дома, — говорит он тихо, почти шепчет. — Поездка может подождать. Я хочу тебя.

Он хочет поцеловать меня, но я не двигаюсь. Просто смотрю в глаза человеку, который лжёт мне, даже когда любит.

Макс не отводит взгляд. Его пальцы всё ещё на моей шее, его губы так и не коснулись моих. Он ждёт реакции. Хотел бы, чтобы я расслабилась, захотела его, забыла обо всём.

Но я не могу.

— Ты красивая, — говорит он почти ласково. — Я хочу быть с тобой. Только с тобой.

Я чуть улыбаюсь. Не потому, что верю ему. Просто чтобы он не видел, как мне больно.

Его телефон звонит снова. Где-то в спальне. Он вздыхает, целует меня в щёку и выходит, не дожидаясь ответа.

— Алло, — слышу я его голос за стеной. — Да, сейчас занят был.

Пауза.

Он смеётся. Легко, уютно. Как будто знает, что его слышат. Или просто забыл, что я рядом.

— Нет, правда, — продолжает он. — Я хотел перезвонить. Просто... рано утром не хотел тебя будить.

Сердце сжимается. Я знаю, с кем он говорит. Знаю, кто ждёт этого разговора. Кто только что прислала мне фото и сообщение.

Я выхожу из ванной медленно, почти беззвучно. Он стоит у окна, спиной ко мне, в одной руке телефон, в другой — наушник. Он не кладёт его обратно в карман, играет с ним, как делает всегда, когда ему нужно скрыть волнение.

— Подожди, — говорит Макс в трубку. Он нажимает на наушник и случайно включает громкую связь.

— Жду завтра, — доносится женский голос из динамика. — Я купила то бельё, о котором ты просил. Хочу показать тебе вживую.

Макс замирает, смотрит на меня, понимает, что я всё слышала. Муж прикрывает трубку ладонью.

— Ань, это не то, о чём ты подумала...

— О чём я подумала? — спрашиваю я тихо. — О том, что ты лжёшь мне в лицо?

Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание.

— Это не любовница, — говорит он. — Это не то...

— То! Ты так и не научился врать.

2.

— Ань, если тебе заняться нечем, ты можешь погрузиться в раздумья. Говорят, Лев Толстой неплохо этим размышлял, даже монетизировал это занятие. Может, и ты у нас в философы-миллионеры метишь? — Макс стоит с каменным лицом, как будто две минуты назад не он был пойман с поличным.

— Макс, ты в своём репертуаре.

Он машет рукой, типа «отстань», вставляет обратно наушник и выходит.

Я беру телефон. Руки дрожат, ногти впиваются в ладони. Жизнь меня к такому не готовила, я была уверена в муже. Я бы скорее поверила, что земной шар с орбиты сойдёт, чем в то, что муж меня обманет и предаст.

Нахожу номер, тот самый, с которого доброжелатель прислал фото. Нажимаю на кнопку вызова.

Телефон звонит: один гудок, второй, третий. Сердце бьётся в унисон. Не понимаю, зачем я сейчас кому-то звоню. Что скажу?

И вот — голос.

— Ну ты и наглая, — звучит из динамика. — Неужели не поняла намёка?

Я не отвечаю. Просто тоже ставлю динамик на максимум, держу телефон так, чтобы Макс слышал даже в соседней комнате.

— Ты вообще знаешь, сколько тебе лет? — продолжает она почти весело. — Или уже перестала считать? Посмотри на себя, на своё лицо. Ты рядом с Максом как старуха. Сразу видно, что нет никакого ухода за собой, нет вкуса. Немудрено, что он не хочет от тебя детей: вдруг они на тебя будут похожи.

Закусываю губу. Это точно не какой-то случайный человек и не чья-то злая шутка: для простой давалки эта стерва знает слишком много.

Не замечаю, как Макс подходит ко мне и протягивает руку к телефону. Но я не даю ему нажать на отбой.

— Ты всё ещё веришь, что он тебя любит? — спрашивает она. — Бедненькая. Он же тебе сказал, что между вами давно ничего нет. Думаю, ты уже и забыла, что значит от всей души заниматься с ним сексом. Я видела твои соцсети. Фото в бикини? Да ты выглядишь как мама моей подруги. Если бы я была такой, как ты, я бы вообще дома сидела. В уютном пледике, с кружкой травяного чая и никому не мешала строить счастье настоящим людям.

Она смеётся звонко, как будто это шутка. По голосу на том конце — девчонка, ей хоть двадцать есть? Перевожу взгляд на Макса, выставляю руку так, чтобы и его голос был в трубке.

— Это правда? — спрашиваю я его. — Что между нами давно ничего нет?

Он стоит рядом. Смотрит на меня, усмехается.

— Я не хочу об этом говорить, — говорит он ровно. — Ты сама знаешь, что у нас не всё было просто.

— Легко или нет — не суть, — шепчу я. — Важно, что ты мне лгал. Снова и снова.

Он вздыхает. Проходит к шкафу. Достает полотенце.

— Я пойду приму душ, — говорит он, будто мы говорим о погоде.

Смотрю на телефон. Звонок ещё не сброшен.

— У-у-у. Ну и выдержка, — звучит её голос. — Думала, ты бросишь трубку раньше.

— Я хотела услышать это от тебя, — говорю я. — Чтобы знать, кто ты такая. И что ты от меня хочешь.

— Хочу, чтобы ты исчезла, — отвечает она без паузы. — Освободи пространство, он уже давно не твой.

— Он любит тебя, ты в этом уверена? — Я задыхаюсь от этой боли. Я сейчас похожа на мазохистку: не могу положить трубку, хоть и каждое слово ранит сильнее.

— Завидуешь? — смеётся она. — Зато он сказал, что ты давно не даёшь ему того, что нужно. Ты стала скучной, он потерял к тебе интерес. Бедненькая, он тебе уже не по зубам. Он мужчина для меня.

Сижу, смотрю в одну точку. Не пойму, меня как будто оглушили, всё вокруг кажется абсурдом. Дверь ванной открывается с лёгким скрипом, и за ней появляется Макс. Полотенце обмотано вокруг бёдер.

Его волосы мокрые, прилипли ко лбу.

По шее стекает тонкая струйка, будто он даже не потрудился нормально вытереться.

Не спешит одеваться.

Делает вид, что меня не существует, просто проходит мимо, как будто я часть интерьера.

Макс берёт пульт с журнального столика. Стеклянная поверхность всё ещё отражает меня — бледную, с покрасневшими глазами, сжимающую телефон так, что пальцы побелели.

Включает телевизор.

Звук резко врывается в тишину комнаты. Ведущий в студии что-то объясняет с жаром, ведущая смеётся, зритель смеётся следом.

Макс ставит громкость выше среднего. Закидывает ногу на ногу, расслабленно откидывается на спинку. Эта чёртова татуировка, та самая синяя волна, чуть блестит от влаги. Я знаю каждую линию, каждую тень на ней, целовала её, когда он уставал.

— Ты только что слышал, как эта женщина унижала меня по телефону, как она говорила, что я старая, некрасивая, никому не нужная, — срываюсь на крик. — И ты даже не попытался вступить за меня?

Он медленно поворачивается ко мне.

— Потому что это не мои слова, — говорит он. — Это её мнение. Ты можешь принимать его или нет.

3.

— Ань, нашла из чего делать трагедию, — Макс наконец поворачивается ко мне. — Бред какой-то.

— Бред — это то, что ты даже не попытался придумать хорошую историю, ну хотя бы из уважения ко мне. Ты просто взял и начал жить новой жизнью, не потрудившись сказать мне правду. И даже позволил ей унижать меня по телефону.

Он опускает взгляд.

Потом снова поднимает.

— Я не хотел, чтобы ты страдала, — говорит он. — Но ты сама знаешь, что между нами давно стало... другим.

— Другим? — повторяю я. — А ты спросил меня, каково это? Что я сейчас чувствую? Или тебе было проще решить за нас обоих?

— Я не хотел тебя терять, — говорит он. — Но я тоже должен жить.

— Жить? — переспрашиваю я. — Это называется жить?

Во рту пересохло, каждое слово даётся с трудом. Иду к барной стойке, наливаю стакан воды. Тёплая, противная, пахнет ржавчиной. Конечно, Макс снова налил в мой графин воды из-под крана.

— Не преувеличивай, Ань. Жизнь — это не всегда пряники с повидлом, иногда и проблемы.

— А, я всё поняла. Унизить женщину, которая тебя любила, ради какой-то хамки из соцсетей — это чтобы жизнь мёдом не казалась.

Он морщится — не от моих слов, а оттого, что я назвала её так, как она заслуживает.

— Она не хамка, — говорит он.

— Нет? — смеюсь я. — А кто тогда? Та, что скажет тебе «да» в любой момент? Или та, которая будет молчать, когда ты уходишь? А может, которая примет тебя таким, какой ты есть, без вопросов?

— Ты всегда задавала слишком много вопросов, — говорит он. — Я не могу быть идеальным мужем.

— И поэтому решил быть плохим? — спрашиваю я.

На эмоциях ставлю стакан с водой с такой силой, что вода выплёскивается на стойку. Иду в спальню.

Комната пахнет смесью его одеколона, чёрного кофе, дорогого табака и ванильных ароматизаторов для белья.

Я стою посреди спальни. В руках телефон. В голове — только одно: он выбрал её, а меня разлюбил.

Не буду ждать, пока он сам уйдёт. Я сделаю это за него.

Подхожу к шкафу. Открываю дверцу.

Достаю простыню. Старую, ту, на которой мы просыпались вместе тысячу раз.

Разворачиваю. Кладу на кровать.

Макс смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Работаю Золотой Рыбкой, — говорю я спокойно. — Ты же хотел свободы? Хочешь быть с ней? Получи, я исполняю твоё желание.

Он не двигается. Только щурит глаза.

Я снова подхожу к шкафу. Беру его рубашки, аккуратно сложенные, почти новые. Сбрасываю их на простыню, затем — джинсы, ремни, носки, все эти мелочи, которые он забывал убирать.

Он подходит ближе. Пытается остановить меня.

— Ты серьёзно? — спрашивает он. — Ты будешь играть в истерику?

— Это не истерика, — говорю я, не повышая голос. — Это последнее, что я могу сделать для тебя. Отпустить. Как мы и договаривались.

Он усмехается, почти презрительно.

— Да ладно тебе. Мы оба знаем, что ты этого не сделаешь.

— Почему? — спрашиваю я. — Потому что ты думаешь, что я не решусь?

— Потому что ты не можешь быть одна. Потому что этот дом наш, ты не выгонишь человека, который вложил в него столько сил.

— Ты прав, — говорю я. — Я не могу быть одна, но я могу быть без тебя.

Он смотрит на меня. Впервые — с ноткой удивления.

— Мы же говорили, — продолжаю я. — Кто предаст первым — тот уходит. Ты помнишь?

— Конечно, — говорит он. — Но ты прекрасно знаешь, что это были слова. В официальном брачном договоре ничего такого нет.

— Зато есть память, — отвечаю я. — И совесть.

Он делает паузу. Смотрит на свои вещи, сваленные на простыне.

Ему неприятно, но он старается не показывать.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? — спрашивает он.

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что уже давно решил, — говорю я. — Уходи, Макс.

4.

— Анют, это всего лишь флирт, чтобы понимать, что я ещё на коне. Мне не пятнадцать лет, как понимаешь?

В голосе лёд, на лице ни капли раскаяния. Макс хмурится и растирает переносицу.

— Конечно, понимаю. Седина в бороду, маразм в голову, а недержание... Продолжать? Муж стоит у окна, крутит на запястье часы.

Как будто ждёт, что я скажу: «Извини, что случайно стала свидетелем разговора. Я тупая дура, давай притворимся, что мне показалось, и оставим всё как было».

Я смотрю на него. На его лицо. На этот почти презрительный взгляд.

Макс подходит ближе. Садится на край кровати. Голос становится мягким, почти ласковым. Думаю, в психушке так же разговаривают с душевнобольными.

— Послушай, Ань... Давай не будем делать глупостей. Мы оба знаем, что ты сейчас переживаешь. Это шок. Я понимаю.

— Понимаешь? — переспрашиваю я. — Тогда почему ты даже не попытался мне сказать правду?

Он замолкает. Только вздыхает.

— Да нет никакой правды. Ты моя жена, всё остальное — ерунда, — говорит муж так спокойно, как будто пересказывает сводки погоды.

— Макс, так не я всё разрушила, а ты. Мне не надо никаких оправданий, угроз, манипуляций. Я уже достаточно слышала, чтобы сделать выводы.

Он встаёт. Проходит по комнате, руки засунуты в карманы. Делает вид, что думает.

— Ладно, хватит этот театр продолжать, — говорит он наконец. — Я никуда не поеду. Я останусь. Мы поговорим, когда ты успокоишься. Обещаю, пока отсвечивать не буду, но командировки, как понимаешь, в моей жизни останутся — профессия, так сказать, обязывает.

Аня

Макс стоит рядом. Такое ощущение, что он нависает надо мной, требуя перенять его точку зрения. Я сижу на кровати, обхватив колени руками, как в детстве, когда пыталась спрятаться от всего мира.

— Так, я максимально спокойна. И про командировки понимаю, и про любовницу в каждом городе. Что нового ты хочешь мне сказать?

Всё внутри горит, но держусь из последних сил. Макс всегда был немного манипулятором: надавить на нужные точки, чтобы вызвать у меня слёзы, для него проще простого. Но не сегодня, я теперь кремень!

— Ань, выключай свою дурь. Если бы я тебя на бабе поймал, я бы ещё понял истерику, а тут-то что? Какие-то слова — повод для драмы или развода?

— А, ну да, а тут только дама в новом белье уже вся заждалась. Ты остаёшься? — переспрашиваю я. — Вот так просто предашь ещё и её?

Он прищуривается. Не могу понять, от боли и осознания, что он дурак, или просто смеётся надо мной.

— Да брось.

Выхожу из комнаты, и он идёт следом.

— Ну, со мной уже всё испорчено, нет варианта проскочить незамеченным? — спрашиваю я. — А вот на новую даму ещё можно произвести впечатление. Что она скажет, когда ты вдруг передумаешь? Она ведь уже купила эротическую обновку, а она стоит недёшево.

Усмехаюсь. Дурацкие шутки — моя защитная реакция. Знаю, что они бесят Макса.

Его взгляд становится холоднее.

— Ты всегда была такой... ироничной, — говорит он. — Такой уверенной в себе. Даже сейчас, когда тебе больно, ты пытаешься выглядеть героиней.

Я делаю глубокий вдох.

— А ты — лжецом, — парирую я. — Но ты хотя бы в этом стабилен.

Он подходит к окну. Отодвигает занавеску. На улице солнечно. Макс отталкивает дорожную сумку, которую собрал ещё вчера. Бью себя по рукам, чтобы сейчас её не распотрошить, не ткнуть его носом в новые улики.

— Не поеду никуда, — говорит он. — Остаюсь из-за твоих странностей. Я должен страдать?

— Хорошо, — киваю в ответ. — Значит, я уйду.

Он оборачивается. Морщит лоб.

— Что? — На лице удивление.

— Мы с тобой не первый год вместе, и ты думал, что я смогу вот так проглотить предательство? Макс, ну, два разочарования за один вечер — это многовато. Если ты не можешь уйти сам, я сделаю это за тебя. Пусть в наших отношениях я буду мужиком, который держит слово.

Он делает шаг ко мне. Его голос становится жёстким. Снова усмехается. С каждой секундой его рейтинг человечности и порядочности в моей голове падает. Муж подходит ближе. Прислоняется к дверному косяку. Скрещивает руки на груди. Пытается выглядеть уверенно.

— Ты блефуешь, не уйдёшь, — говорит он. — Ты слишком любишь этот дом, любишь меня.

Не хочу ничего слышать, иду в спальню. Подхожу к нише. Открываю дверцу.

Чемодан стоит в углу — чёрный, кожаный, немного потёртый на ручке.

Мы брали его в поездку в Сочи. Тогда я ещё думала, что он любит меня.

— Ань, сама потом не пожалеешь? — спрашивает он через дверь. — Мы могли бы просто забыть об этом.

— Не могли бы, — отвечаю я. — Потому что я уже начала тебя забывать.

— Ладно, твоя взяла. Макс Потапов всегда держит слово, — говорит он, хватает со стула пиджак и направляется к выходу.

5.

Аня

— И что дальше? — крутится у меня в голове. Я сто раз видела в кино, как мужчина уходит, а женщину скручивают обстоятельства. Прислушиваюсь к себе: гадко, противно, но нет желания рухнуть на пол и заламывать руки.

Дом стал слишком тихим: из кабинета Макса больше не доносится музыка. Он обожает кантри. На умной колонке включаю испанские мотивы. Не потому, что в доме не осталось звуков, — просто звуки теперь другие.

Прохожусь по нашей спальне, снимаю совместные фотографии. С глаз долой — и нечего страдать. Хотя кому я вру? Больно, просто разрывает, но я не умею падать в уныние.

Сажусь на пол и вдруг понимаю, что этот дом — не просто стены. Это одиннадцать лет моей жизни. Мои утренние ритуалы, его кружка на кухне, наш плед, в который мы укрывались зимой, его рубашка на спинке стула, его запах в шкафу.

В руке вибрирует телефон.

— Ань, ну ты ещё бесишься? — По голосу слышно, что Макс в хорошем настроении. Кажется, он не понимает, что произошло. Видимо, в его градации разбить чашку и сходить налево — одно и то же.

— Я? У меня всё хорошо, но тебя домой я не жду. Макс, давай серьёзно. Я неделю не хочу тебя видеть и слышать, а потом будет видно, поймём, насколько мы друг в друге нуждаемся.

— Прикольно, ты хитрая у меня, оказывается. Я даже не понял, как ты сначала завоевала моё сердце, потом половину ванной заставила своими пузырьками, а теперь из дома меня гонишь. Ну, настоящая женщина, что ещё сказать. Тебе денег дать?

— Нет, если ты забыл, то я не твой придаток, не кукла, которая умеет только моргать и открывать рот для оральных утех. Я сама неплохо зарабатываю.

— Ладно, поиграй немного в сильную и независимую.

Макс бросает трубку. Когда же мы успели отдалиться? Кажется же, всё хорошо было.

Макс пришёл ко мне в агентство: ему срочно нужен был специалист по синхронному переводу на встречу с испанскими партнёрами. Меня порекомендовал знакомый, сказал, что я не просто переводчик, а умею слышать не только слова, но и то, что люди не говорят вслух. Макс сел напротив и сказал, что хочет, чтобы я была рядом — и не только на встрече. Наш роман был быстрым, почти без паузы. Он говорил, что боится, что меня заберут, и потому предложил руку и сердце через три месяца после знакомства. Я согласилась.

Я тогда была влюблена в него по уши. Долгое время на первом месте у меня была реализация, даже не деньги: мне очень хотелось стать профи. А тут красивый мужчина, немного старше, уже реализованный. Моё каменное сердце дрогнуло: я впервые услышала, что кому-то нужна, что кому-то важна.

У нас даже не было скандалов, больших ссор, как-то всё гладенько было. Он говорил, что не торопится с детьми, что хочет, чтобы мы были вместе, наслаждались друг другом. Ведь семья — это не только ребёнок, а я была в розовых очках. Я ему верила, думала, что всё придёт само, но время шло, а беременности не было. Тесты отрицательные. Врачи не находили ответов, пожимали плечами: «Вы здоровы, ждите». А я была без сил. Не могла сказать ему, что каждый раз, когда тест показывал «минус», я плакала в ванной. А потом привыкла, очерствела.

Телефон дрожит в руке. Я даже не смотрю на экран: что Макс ещё надо? Перевожу взгляд на дисплей. Любовница проснулась. Интересно, хочет, чтобы я выслала ему трусы и носки, а то придётся раскошелиться?

«Оставь Макса в покое. Он уже не твой. Не мешай ему начать новую жизнь».

Через несколько минут приходит новое сообщение.

«Ты не такая, как думаешь. Он не ушёл. Он убежал. От тебя. От ваших стен. От твоего спокойствия. От твоей жизни, в которой он чувствовал себя старым».

Старым? Ну, взрослым, да. Подхожу к зеркалу, смотрю на себя: нормальная женщина с определённым опытом. Страдания мне не очень идут: уголки губ ползут вниз, становлюсь похожа на Пьеро, появляются новые морщины. Мне казалось, что мы с Максом выглядели гармонично, а тут, оказывается, он старик. Звучит как комплимент. Значит, я ещё ничего.

«Хочешь, я вышлю тебе ещё несколько классных фото? Сама увидишь, как твой мужчина счастлив со мной».

Я читаю медленно, как будто взвешиваю каждое слово. Наверное, там молодая длинноногая красотка с упругой четвёркой. Даже не буду стремиться к такому идеалу.

«Перестань выпрыгивать из штанов, я его уже отпустила, он уже мчит к тебе. Так что, если никто не перехватит, скоро будет рядом. Хотя сама понимаешь: он волочитесь за каждой юбкой, так что, возможно, до тебя он и не дойдёт».

6.

Макс

Звонок Наташки вывел меня из равновесия. Я даже оправдываться не буду: профессия меня научила принимать все последствия, раз накосячил. И лебезить, отмазываться — не в моей природе. Умная женщина должна понимать: если мужик носит яйца на сторону, но ночевать приходит домой, значит, он любит жену, и ей беспокоиться не о чем.

Смотрю на Аньку, не верю глазам. Я, конечно, подозревал, что она за словом в карман не полезет, но чтобы вот так поставить меня на место! Решила в мужика поиграть. Ничего, пусть без меня попробует, ещё приползёт.

Обуваюсь в фирменные кроссы, на секунду задерживаюсь у двери, жду, что женушка сейчас подойдёт, остановит в последний момент, потом весь вечер будет гундеть, но простит, а затем мы пару раз помиримся в кровати. Но мои ожидания она не спешит оправдывать.

Выхожу, стараюсь хлопнуть дверью посильнее, но проклятые доводчики даже здесь не дают устроить красочное шоу.

Сорвалась командировка. Такие выходные наклёвывались, а теперь всё желание отбило. Загадки какой-то не осталось. Хорошо хоть я мужик дальновидный: ещё лет десять назад на торгах служебную квартиру купил, вот она теперь и пригодилась.

Сажусь в машину. Вот некуда офигенному мужику податься. Надеюсь, Анька уже грызёт локти, что может так глупо меня потерять. Набираю Наташку — занято. Снова с какой-то подружкой тряндит. Баба с неуёмной энергией.

Приезжаю в квартиру: чисто, тихо, холодно. Слышу, как звонит телефон, и на автомате беру трубку, не глядя на экран.

— Привет, па, — звучит голос Арсения. Мне становится легче, как бывает, когда рядом кто-то, кто не ждёт от тебя объяснений.

— Привет, сын. Ты в городе?

— Нет, ты где? — На заднем фоне шум.

— В Москве, — отвечаю я. — А что?

— У меня в субботу игра, отборочная. Сам понимаешь, из дворового футбола особо не прыгнешь, а здесь есть шанс.

Я улыбаюсь. Сын всегда был таким спокойным, уверенным — для вратаря это идеальные качества.

— Арс, не уверен, — говорю я. — Возможно, командировка. Ещё не знаю, что будет, сам понимаешь.

— Аня не отпустит? — спрашивает он. Голос тише, как будто он расстроился. Глупо: моя задача — денег подкидывать и предохраняться научить, всё остальное или мать, или улица должны привить.

Я замираю на секунду.

— Анька сейчас не в теме, — говорю я. — Мы с ней немного разошлись сегодня. Сам понимаешь, женщину на место ставить иногда надо, а то правами их наделили, а мозги выдать забыли.

Он молчит. Потом смеётся.

— Опять какие-то фокусы? — спрашивает он. — Она что, за что-то обиделась?

— Да нет, — отвечаю я. — Просто женщины — странные существа. Им всегда надо чувствовать себя правыми, даже если ничего не произошло. Ты же вот можешь любить и в компе погонять, и на воротах постоять, правильно?

— Па, — говорит он. — Ты серьёзно? Аня — одна из самых адекватных женщин, которых я знаю. Просто ты с мамой не жил. Вот она — да, могла бы и накрутить себе что-то в голове. Анька — нет.

Я не отвечаю. Мне становится противно: ещё один защитник. Только я его отец, и на чьей стороне он должен быть?

Мы немного молчим. Он не вешает трубку — значит, хочет поговорить дальше.

— Так ты приедешь? — спрашивает он. — Для меня это важно. Места уже куплены, я выбрал лучшие. Могу тебе два дать и Аньке, если ты не против. В прошлый раз, когда мама была в больнице, Анька была самым активным болельщиком.

— Постараюсь, — говорю я. — Сын, ты потом поймёшь, что ворота — не самое главное в жизни.

— Ладно, — отвечает он, но, кажется, не верит мне.

Он не вешает трубку. Значит, хочет не просто спросить про матч. Хочет поговорить.

— А ты уверен, что правильно поступил? — спрашивает Арс.

— Что ты имеешь в виду? — Как же я не люблю, когда кто-то лезет в мою жизнь, выносит мне мозг, учит, как будет лучше. Я сам знаю. Просто другим не понять, что одну женщину можно любить всей душой, а вторую — всем телом.

— Ну... Ты же её любил. Не просто так женился.

Вместо ответа я произношу фразу с особой интонацией — вдруг с первого раза было не очень понятно:

— Я постараюсь прийти на матч.

— Хорошо, — отвечает он. — Только не опаздывай.

Он вешает трубку. Я сижу в тишине.

Смотрю в окно.

Сижу в кресле у окна, телефон в руке. Интернет сегодня ловит только в одной точке — вот и приходится выживать.

На дисплее появляется Наташа. Романтическая песня на звонке орёт на всю комнату. Нажимаю «Ответить».

— Максик, я тебя уже заждаюсь. Если ты думаешь, что в сетчатом белье удобно ходить, то я тебе скажу: нет. Цепочка с камешками одно место натирает. Ты больше часа назад из дома ушёл, уже давно должен был ко мне в объятия упасть.

Встаю, подхожу к окну, немного приоткрываю его, чтобы в комнату вошёл холодный ночной воздух.

— А ты на хрена в наши с Анькой отношения полезла? — Не рычу, скорее устало покусываю.

— Она не делает тебя счастливым, просто ты этого не замечаешь, а я чувствую. Хочешь, я тебе фоточку свою скину? У тебя сразу всё настроение в норму придёт. — Наташка снова смеётся. — Я знала, что ты рассердишься, но ничего: к концу дня ты поймёшь, что это был правильный выбор. А ещё твоя бывшая сказала, что ты ни одной юбки не пропустишь. И ты хочешь сказать, что такое могла сказать женщина, которая любит? Так может ляпнуть только завистница.

— Наташ, давай не будем трогать Аньку.

— Правильно. Давай лучше меня трогать. Я уже вся горю, приезжай скорее.

7.

Аня

Я сижу за столом, включаю ноутбук, логируюсь на портале, где разводы выглядят как обычные формальности: заполнил поля, нажал «Отправить» — и дальше живи как хочешь. Я не боюсь этого. Не откладываю всё в долгий ящик. Терпеть не могу, когда волочатся незавершенные дела, а тут и гадать нечего: не знаю, что должно случиться, чтобы я переступила через себя.

Нажимаю «Подать заявление», ввожу данные, будто заказываю что-то для себя — только не еду, не одежду, а свободу. Раньше я писала в графе «Семейное положение» — «замужем». Теперь — «развод», и я не чувствую ничего, кроме лёгкой тошноты, которая подступает к горлу. Но я сглатываю её, как делала всегда, когда нужно было быть сильной.

А теперь я сама оформляю развод, будто ставлю точку в конце предложения, которое давно не имеет смысла. Проверяю документы, перечитываю дважды, чтобы убедиться, что всё правильно, что фамилия указана верно.

Телефон звенит. Я не сразу беру трубку. Смотрю на экран. Арсений — сын Макса.

Интересно, папаша ему уже слил всю информацию? Теперь пасынок хочет добавить вишенку на торте? Он и раньше звонил, когда не мог дозвониться до отца. Я беру трубку, как будто готова к разговору, хотя не знаю, что скажу.

— Привет, Ань, — звучит его голос, спокойный, с лёгкой ноткой беспокойства. — Как ты?

— Живая, — усмехаюсь. — Всё хорошо, даже лучше, чем раньше.

Он смеётся. Не громко, но тепло. Я чувствую, как напряжение чуть спадает. Только чуть.

— Я хотел спросить, ты на выходные занята? — говорит он. — Наша команда играет, для меня это очень важный матч. Хотел пригласить тебя, но пойму, если ты откажешься.

Я улыбаюсь. Почему-то мне тепло от этого приглашения.

— Я приеду, — говорю я. — Обещаю.

— А отец? — спрашивает он. — Я написал ему, но он не отвечает.

Я не отвожу взгляд от окна. Просто смотрю на пару, которая проходит мимо, держась за руки. Молодые. Влюблённые. Не знающие, что брак — это не только первые годы, но и последние.

— Арс, я не знаю, — говорю я. — Думаю, он сейчас... занят.

— Вы поругались? — спрашивает Арсений, но в его голосе я не слышу интереса. Может, мальчишка уже всё знает и теперь хочет услышать мою версию происходящего?

Я не буду ему лгать. Не хочу, чтобы он думал о Максе плохо, но и скрывать правду не буду.

— У твоего отца другая женщина, — говорю я. — Мы разводимся.

Он молчит. Не сразу отвечает. Я слышу, как он дышит. Задумчиво. Взросло. Слишком умно для своего возраста.

— Я думал, что это какая-то банальная ссора. Отец же вспыльчивый, иногда делает странные вещи. Я думал, вы справитесь, — говорит он.

— Я тоже, — стараюсь подобрать слова. — Но не все отношения можно спасти. Иногда просто приходит конец.

— Он знал, что ты не будешь его удерживать, — говорит Арсений. — Думал, что ты будешь ждать.

— Я не умею ждать того, кто не хочет быть рядом, — говорю я. — Это не любовь. Это одиночество.

В голове просто водопад нецензурных слов в адрес Макса, но я не имею права вываливать весь негатив на его сына. Мы так долго притирались, Арсений боялся, что я заберу его отца полностью, буду против их общения. А получилось наоборот: я покупала подарки от Макса, устраивала дни рождения, напоминала о важных датах. Пыталась быть не стеной между ними, а мостом.

При любых раскладах дети не несут ответственности за пустоголовость родителя.

— Тогда приезжай, — говорит он. — Без него или с кем-то другим. Но приезжай. Мачехи разве бывают бывшими? Я думаю, что нет, они навсегда.

Последняя фраза звучит как шутка, но мы не смеёмся.

Комок подкатывает к горлу. Кажется, это вторая новость, которая так ошеломила меня сегодня.

— Я приеду, — обещаю я. — Обещаю. И даже если Макс придёт со своей новой женщиной, я торжественно клянусь не выдирать ей волосы, не сыпать проклятиями, чтобы слышал весь стадион, и не плевать им в спину. В общем, думаю, мы сможем держать себя в руках, чтобы тебе за нас не было стыдно.

Да уж, жизнь иногда интереснее, чем бразильский сериал. Ребёнок ближе общается с мачехой, чем с родным отцом.

Иду на кухню, ставлю чай. Кажется, что я сплю. Как так: сегодня ещё жена, а через день уже нет? Думаешь, что дом твой, а через мгновение понимаешь, что ты лишняя?

Ставлю любимую чашку, кладу в неё пакетик с мятой — Макс терпеть не мог, когда я пью мяту. Теперь ему не нужно терпеть.

Чувствую, как меня накрывает. Неожиданно. Как будто что-то внутри обрывается. Я стою у окна, смотрю на улицу, вижу женщину в пальто, похожем на то, в котором я была на нашей первой годовщине, и на мгновение мне хочется заплакать. Но я не плачу. Я просто отвожу взгляд, наливаю себе чай, включаю плейлист, который любила, когда он был рядом, и иду в ванную, чтобы умыться холодной водой, как будто смываю остатки прошлого.

8.

Аня

Я захожу в личный кабинет банка, листаю вкладки, проверяю остаток на счёте. Макс никогда не интересовался моими доходами. Он считает: если, по мнению налоговой, у меня микро-микро-микро-бизнес, значит, зарабатываю я себе в лучшем случае на булавки и помаду. Сначала я изо всех сил хотела тоже вкладываться финансово в нашу семью, а потом забила. Начала просто откладывать деньги — вдруг какое-то классное путешествие подвернётся или, не дай бог, понадобится медицинская помощь.

Сумма в электронном кошельке не гигантская, но я чувствую внутри какой-то странный, почти детский восторг, словно впервые могу сделать что-то только для себя.

Что обычно делает женщина для себя? Новую стрижку или ремонт. Со стрижкой у меня всё в порядке, а вот обновку в квартире можно устроить.

Сажу за кухонным столом, где ещё лежит его чашка — чёрная, с львиным оскалом. Он выиграл её на каком-то корпоративном конкурсе. Рядом моя — белая фарфоровая. Скольжу взглядом по кухне и вдруг понимаю: пора менять! Не потому, что она старая или мне не хватает пространства, а потому, что здесь слишком много его следов. Я не хочу, чтобы мне о нём напоминали завитушки на обоях, его стопки и пивные бокалы. Я всё равно не пью алкоголь, эта посуда мне без надобности.

Я встаю, медленно обхожу кухню, прикасаюсь к столешнице, которую он сам выбирал, говоря, что такие материалы не царапаются. Тёмно-зелёные фасады — даже не могу понять, нравятся они мне или нет. Стою у окна, где висят шторы, которые мы выбирали вместе, и понимаю, что давно их не люблю: мне не хватало света. Я впервые замечаю, как много здесь тёмных углов, как много холодного металла, как мало тепла, как мало меня.

Ремонт в доме мы делали на второй год семейной жизни. У меня был тяжёлый проект, мало сна и много-много работы, поэтому я молча согласовывала то, что мне подсовывал Макс. За полгода до этого мы обсудили, какие должны быть обои, какая плитка, но, как всегда, я не проследила. Получай, что есть.

Я открываю приложение с каталогами, листаю, выбираю — не просто так, не ради смены обстановки, а ради ощущения, что я могу. Что я могу изменить не только жизнь, но и пространство, которое он оставил позади. Теперь я могу сделать своими стены, свою кухню — и мне плевать, что он об этом думает.

Я могу начать с малого — с ремонта, с цвета, с нового уюта и, может быть, с новой жизни.

Выбираю обои — не белые, не нейтральные, не те, которые он одобрил бы без слов, а тёплые, бежевые, почти золотистые: свет будет ложиться по-другому, мягче, уютнее.

Заказываю плитку — матовую, не глянцевую, потому что глянец слишком много отражает, а я не хочу видеть его в каждом блике.

Шторы — длинные, плотные, чтобы снаружи не было так просто заглянуть внутрь. Теперь я хочу закрыться, но не от мира, а от его тени, которая всё ещё где-то рядом, хотя его уже нет. На кухонный гарнитур денег не хватает, да и ладно: три банки краски и строительный фен решат проблему хотя бы на время. На глаза попадают интерьерные наклейки — устрою себе на кухне «Тоскану». Заказываю две упаковки. Такого восторга у меня давно не было.

Телефон звенит.

Я не сразу беру трубку, но вижу: она. Женщина, которая тоже не спит этой ночью и тоже из-за Макса. Вот чувствует эта ведьма, что мне сейчас хорошо, — надо всё испортить.

Никогда не думала, что Потапов может поглядывать на сторону. В молодости он был ловеласом, даже боюсь представить, сколько у него было женщин. Мне казалось, давно пора наесться и остепениться, но нет.

Голос, который я теперь узнаю, не глядя на экран:

— Ты что, совсем спятила? — доносится её голос, и сразу чувствуется, что она злится. — Где Макс? Мы с ним разговаривали. Он сказал, что скоро приедет. Ты его снова домой позвала?

Смотрю на обои. Раздражение на эту мадам начало переходить и на них. Подхожу к выключателю, ковыряю ногтем уголок. Тяну — отрывается тонкая полоска.

— Я? Нет. Я не знаю никакого Макса, вы ошиблись, — говорю спокойно. Теперь никакая умалишённая не испортит мне настроение.

— Ты реально не будешь за него бороться?

— Я? Нет, — тяну ещё за бумажный заусенец, отрываю ещё кусок почти с наслаждением.

— Я тебе его дарю. Забирай. И маленький совет: с такой тревожностью вам лучше сначала к психологу, а потом уже строить любовь с Потаповым. Он истеричек не очень любит.

— Ты надо мной издеваешься? — Её крик переходит в скулёрж.

— Женщина, — говорю строго. Начинаю уставать от этой придурочной. — Я повторю в последний раз: постарайтесь напрячь мозги и понять, что я вам говорю. Мы с Максом расстались, он собрал вещи и ушёл. Если он обещал, что приведёт вас в нашу квартиру, спешу вас расстроить: не приведёт. Думаю, он поселится на вашей жилплощади. Если не хотите быстро стать вдовой — ухаживайте за ним: никакого фастфуда и жареного.

— Ты в своём уме? Тварина! Думаешь, обобрала мужика, а ещё приличной прикидываешься?

Дёргаю за соседний лист обоев. Он отрывается кусками, оставляя тонкий слой. А скандальничать во время ремонта даже забавно.

— Так, — начинаю звереть. — Рот закрыла. Ещё один звонок — я напишу на вас заявление, и тогда с Максом вы ещё пару лет будете общаться только по переписке. Понятно?

Не дожидаясь ответа, сбрасываю вызов и блокирую номер. Никогда не думала, что у Макса такой плохой вкус.

9.

Макс

Телефон уже горячий от звонков, Наташка никак не успокоится. Она как дикая лошадка — всё делает с полной отдачей. И проблем мне навалила целую кучу, а как разгрести — не знаю.

Я еду к Наташе, хотя понимаю, что это не лучшее решение, но не могу остановиться. Телефон трясётся в кармане: она звонит снова и снова.

Кажется, я впервые в жизни еду медленно. Не понимаю, как схема, которая отлично работала, вдруг сломалась. И главное, на хрена Натаха её сломала? Чего ей не хватало? Вот уж точно: палец в рот не клади — укусит по локоть.

Обычная панельная девятиэтажка. Во дворе машину приткнуть негде. Делаю второй круг, решаю уехать к ближайшему ТЦ.

Снова трезвонит телефон.

— Наташ, что у тебя сегодня за истеричная нетерпёжка? Ты можешь мне не названивать? Зарядки и так осталось три процента. Если телефон сядет, я твой адрес наизусть не вспомню!

— Максик, ну ты чего придумываешь! Я же беспокоюсь. Ты сказал, что едешь, а тебя уже который час нет. Я подумала, что твоя мегера тебя не пускает. Может, она поперёк двери легла, а ты же у меня такой благородный. Всё, я тебя жду.

Да уж, сумеет Натали меня утомить — и не только в постели. Топаю в новое прибежище, стараюсь дышать глубоко, чтобы хоть немного отпустило.

Наташа открывает дверь в одном белье: чёрном, на тонких бретельках. Грудь чуть дрожит — от холода или от возбуждения, не поймёшь.

Квартира, где она живёт, кажется мне знакомой, хотя я здесь впервые. Каждый номер в гостинице она за пять минут превращает в квартиру: слишком много духов, слишком много белья на полу, косметики на всех поверхностях.

— Привет, — невинно моргает глазками, как будто не она первой писала моей жене, чтобы убедиться, что та «понимает, что проиграла», и разнесла всю мою семейную жизнь в щепки. — Я тебя ждала.

— Отлично, — говорю я, проходя внутрь. — Я пришёл поговорить. Какого хрена ты сегодня навертела? Ты в своём уме? Кто тебе позволил рот открывать?

— Не надо так со мной. Тебе сейчас выгодно меня винить, но я-то в чём виновата? В том, что ты мне под юбку залез? Мне кажется, я просто жертва обстоятельств. Ты, наверное, думал, что она кинется тебя останавливать, умолять, что-то взамен просить. А этого не случилось.

Её слова — как пощёчина. Нормально так перекинуть с больной головы на здоровую все проблемы.

Она закрывает дверь, подходит ближе, прижимается к моему плечу, целует в шею, как будто считает, что кожа может заменить слова. Я отвожу взгляд. Чувствую, как внутри нарастает раздражение. Я не хочу близости, пока во мне бушует ураган.

— Ты злишься, — говорит она, отступая на шаг, но не отводя взгляда. — Потому что она не сопротивлялась?

— Потому что ты не понимаешь: ты не победила, — говорю я, стягивая пальто и бросая его на диван. Оно тут же сползает на пол, но я не поднимаю. — Анька отпустила, потому что не хотела быть второй. Она брезгливая, не станет доедать с чужой тарелки.

— Фу, не думала, что ты себя с объедками сравнишь. Ну ладно. Макс, я просто хотела, чтобы она знала правду, — Наташа надувает губы, и я вижу, как это выглядит почти театрально, почти жалко. — Хотела, чтобы она поняла: ты выбрал меня. Что ты счастлив со мной.

— А ты видела, чтобы я был счастлив? — спрашиваю я. — Ты вообще видишь, как я выгляжу? Потому что я не чувствую ничего, кроме пустоты, которую, как оказалось, не заполнить ни твоими словами, ни твоим телом, ни твоими намёками на то, что я теперь твой. Ты думаешь, что я ушёл, чтобы быть с тобой? Я ушёл, потому что не мог быть с ней. Она не хочет быть со мной, а меня всё устраивало!

Хватаю её за плечи. Была бы она немного крупнее — потрянул бы как следует. Но эти тонкие плечики, торчащие ключицы быстро остужают мой пыл. Сам дурак, вот и живи с этим.

— Я просто старалась для тебя, — говорит она, и голос становится чуть громче, будто она начинает накаляться. — Всё, что я делала, было ради тебя. Я хотела, чтобы ты чувствовал себя любимым, чтобы ты знал, что тебя хотят, что ты нужен.

— Я не знал, чего хочу, — отвечаю я. — Мне хорошо с тобой, когда есть к кому вернуться. Ты для меня праздник, эмоции, отпуск. Но жить в карнавале я не хочу!

Она подходит ближе, кладёт руку мне на шею. Пальцы холодные. Я не отстраняюсь.

— Ты несчастен, — говорит она. — А она даже не заметила. Она тебя не любила, — Наташа произносит это почти нежно, но в её голосе звенит злость. — Дай мне месяц, и ты всё поймёшь: как женщина может любить, как может заботиться. Ты рано делаешь выводы!

Она садится на диван, берёт моё пальто, которое я так и не поднял, и кладёт его рядом.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что я не знал, куда ещё идти, — отвечаю я. — Потому что думал, что с тобой будет легче.

— А потом ты уйдёшь от меня, как ушёл от неё? — спрашивает она.

— Возможно, — говорю я.

— А ты думаешь, что я хотела тебя удерживать? — Она встаёт, подходит к окну. — Я просто думала, что ты мужчина, которому нужны дом, семья, уют. От таких женщин не гуляют, а если ты побывал в моих объятиях, то, что бы ты ни говорил, значит, не так уж она и хороша. Ты остаёшься? — спрашивает она, будто не верит, что это возможно.

— Да, я переночую у тебя, — говорю я. — Устал.

Голова трещит. Моя женщина-праздник как-то быстро превратилась в пилораму и начала устанавливать свои правила. Это даже круто, что Натали сейчас себя проявила. Я как-то не сопоставил её прыть, яркую сексуальность и неуёмную энергию с разрушительностью, с которой она, похоже, сама не справляется.

Наташа кивает. Идёт в ванную. Слышно, как она закрывает дверь, как течёт вода из крана.

— Слушай, ну я вспылел, — говорю я, топчась у двери. — Прости. Я понимаю, ты у меня тайфун, но надо как-то держать себя в руках.

Прохожу на кухню.

Открываю холодильник.

Есть вино, остатки сыра, бутерброды со шпротами. Ненавижу их с детства.

Беру бутылку, наливаю в бокал. Дешёвое кислое пойло. Завтра будет башка трещать и изжога мучить.

Пью медленно — не от жажды, не от желания расслабиться. Просто чтобы что-то делать, когда не знаешь, что сказать.

Она выходит через десять минут, голая.

— Я приготовила постель, — говорит она. — Ты будешь спать на диване?

Смотрю на неё. Внутри всё оживает, брюки становятся тесны.

— А есть другой вариант? — спрашиваю я. — Я бы лёг к тебе под бочок. Вдруг мне будут кошмары сниться.

— Есть, — отвечает она. — Но ты, кажется, не в настроении. Секс как телесное наказание меня не устраивает.

10.

Наташа

Макс храпит на всю квартиру. Не могу спать: уже и в бок его толкнула, и нос ему раскрывала, а всё равно этот львиный рык не даёт покоя.

Сажу на кухне, пью тёплую воду из той самой чашки, которую он подарил мне на третий день знакомства. Белая, с золотистым ободком, будто я уже была его королевой.

Теперь я держу её в руках, как будто тепло фарфора может заменить то, чего мне не хватает.

Я уже третий раз перечитываю переписку с Аней, где она говорит: «Я тебе его дарю», — как будто он старый и ненужный свитер, который ей надоел. Как будто она передаёт меня по наследству, не понимая, что я не нуждаюсь в её милости.

Звонит двоюродная сестра Лизка. У нас с ней странные отношения: любовь через ненависть. Она всегда прикалывается надо мной, а ещё посматривает в сторону моих мужчин.

Голос у неё такой же резкий, как всегда, будто она только что вышла из душа и не успела проснуться.

— Ну как твой Ричард Гир местного разлива? — Я слышу, как она жуёт чипсы. — Натах, судя по твоему тону, ночевала ты сегодня одна. Милый оказался не способен тебя ублажить?

— Лиз, ты в своём уме? У меня всё по любви.

— Пффф, — снова хруст в ушах. — Это ты мне не заливай. Я, если честно, вообще не представляю, как ты с ним в постель ложишься. Там же уже задница вся обвисла, наверное. Даже выключенный свет не поможет, у меня такое воображение.

— Да блин! — кричу я тихо, чтобы не разбудить Макса, хотя он, кажется, не проснётся даже от землетрясения.

— Коть, пора бросать этого старпёра. Ему уже под полтос, скоро начнёт храпеть, требовать диетическое, смотреть футбол и говорить: «Жена, принеси тапки». А половое бессилие в этом возрасте повсюду, наверное.

Грустно вздыхаю. «Жена» — я мечтаю об этом звании, но этой малолетней дуре не понять. Для неё это просто история, сериал, в котором она играет роль советчицы, а я — героиня, которая должна проснуться и выбрать нормальную жизнь.

А я не хочу нормальную. Я хочу красивую — ту, где я в центре, где меня замечают, холят, лелеют и балуют.

— Неважно, какая у него задница, у него крепкий кошелёк, — говорю я, глядя пальцем край чашки, как будто прикасаюсь к нему. — А там, где деньги, там и форма. И вообще, у него отличные ягодички. Проверено.

Мы смеёмся.

В этот раз я строю новую жизнь если не из любви, то из гордости, из желания жить так, чтобы все родные сдохли. Собаку себе заведу самую дорогую, а намордник — золотой. Той, кто годами сидит в офисе, мечтает о большем и боится сделать шаг.

Я сделала. И теперь не вернусь в нищету.

— Слушай, ну я буду рада, если у тебя что-то получится, но, мне кажется, голяк. Такие старпёры на показуху щедрый, а в жизни жлобы ещё те. Жена у него работает? — Лиза наступает на больное.

— Кажется, она у него какая-то странная. Максик сказал, что она реализуется. Кому это нужно, не знаю, но вот. Лучше бы жила на полную катушку.

— Задумайся: может, это он тебе так говорит, а на деле жмот. Только не надо снова рассказывать, что он тебе кружку подарил. Я бы ему её на голову надела.

— Кто бы говорил, — фыркаю я. — Ты же сама на прошлой неделе хвасталась, что твой кавалер купил тебе бутылку шампанского за четыреста рублей и назвал это романтикой.

Наша беседа всегда заканчивается, когда одна начинает учить другую, как лучше мужика побогаче захомутать и денег в копилку отложить.

У меня есть тетрадка — чёрная, с кожаной обложкой, купленная в дорогом книжном, где продают блокноты для писателей и поэтов.

Я не писательница, но мою историю кто-нибудь должен записать, потому что она важна.

На первой странице — дата первого свидания. Потом список: подарки, поездки, рестораны, деньги.

Я всё записываю не потому, что считаю, сколько он потратил, а потому, что считаю: копейка рубль бережёт. Если он не готов на меня тратить, то я не готова быть его музой. Мы с Лизкой придумали балльную систему поощрений:

Каждый ужин в ресторане — десять баллов. Каждый вечер, проведённый со мной, — двадцать.

Считаю всё: такси, цветы, дорогие сладости. Если за месяц мужчина не набирает тысячу бонусов, его лучше поменять: никакой пользы для моей жизни не будет.

Пока Максик выигрывает — по деньгам, по времени, по ночам, по словам, которые он произносит, когда думает, что я сплю: «Ты другая. Ты живая. Ты не такая, как она».

Я помню каждое. Храню как доказательства. Как награды. Как билет в ту жизнь, о которой мечтала.

Я представляю себя Вивиан из «Красотки» — не в начале, когда она грязная и бедная, а в середине, когда идёт по отелю в красном платье. Когда все оборачиваются, мужчины теряют дар речи, а Эдвард смотрит на неё, как на чудо.

Я тоже хочу так.

Хочу, чтобы он смотрел на меня, как на чудо.

Чтобы пришёл с цветами — с букетом, который стоит как мой месячный доход, бросил его к ногам и сказал: «Прости, я задержался. Я думал только о тебе».

Из мыслей меня выдёргивает очередная трель из спальни: он снова ревёт, как зверь, будто хочет напомнить, что я не в фильме, а в реальности. Где нет красных платьев, нет романтики.

Ложусь рядом. Не могу спать — не из-за храпа, который стал фоном, как звук старого холодильника или капающего крана, а из-за мысли, что он всё ещё с ней. Не физически, но в голове, в телефоне, в переписке.

Смотрю на его руку, лежащую на одеяле, на телефон, который он бросил рядом с подушкой: чёрный, с трещиной в углу экрана. Тянусь к нему медленно, осторожно. Не хочу его разбудить, не хочу, чтобы он понял, что я проверяю. Хватаю телефон, начинаю подбирать пароль. Как всё банально — дата его рождения.

Открываю переписку, ищу её имя — Аня. Её нет в последних сообщениях, нет в избранных, нет в архиве. Я прокручиваю, проверяю, перепроверяю, ищу скрытые чаты, группы, общие фото. Даже в «недавних звонках» ничего. Ну не верю я, что женщина может вот так мужика отпустить и ни разу даже с угрозами не позвонить. Не верю!

11.

Макс

Просыпаюсь от резкого света, пробивающегося сквозь тонкие шторы, и от музыки, которая бьёт в уши с такой настойчивостью, будто пытается вколотить в мою голову энергию, которой я не хочу. Наташа танцует перед зеркалом в одном белье — чёрном, обтягивающем, с тонкими бретельками. Будто это не утро, а фотосессия, а я лежу на диване как лишний элемент в этом спектакле, который она разыгрывает для кого-то, кто, возможно, даже не смотрит. Она делает приседания, махи ногами, что-то между зарядкой и танцем, улыбается, хлопает в ладоши, будто от этого зависит её настроение, будто, если она будет достаточно яркой, я проснусь и скажу: «Ты прекрасна. Я счастлив».

Я встаю, не спеша натягиваю майку, ищу свежую рубашку. Как же напрягает ходить во вчерашнем! Терпеть не могу ношеную одежду.

— Доброе утро, — Наташа протягивает мне рубашку. — Тут только ворот немного грязный. Макс, может, мы тебе несколько вещей купим, чтобы у меня были на смену?

— У меня на служебной квартире есть вещи, заеду переоденусь, — рычу в ответ.

Иду на кухню, где уже пахнет жареным яйцом и слегка подгоревшим хлебом. На столе стоит банка с растворимым кофе — та самая, которую покупают со скидкой в супермаркете. К кофе этот напиток не имеет никакого отношения.

Я не пью растворимый. Я не пью кофе, который пахнет пылью, экономией и обречённостью. Я люблю свой ритуал: кофеварку, шипение пара, запах свежемолотого зерна.

— У тебя нет кофеварки? — спрашиваю я, не оборачиваясь и глядя на банку.

— Есть, — отвечает она и подбегает ко мне уже в халате, но с мокрыми волосами, будто только что вышла из душа, будто пытается казаться ухоженной, свежей, готовой к новому дню. — Просто я её не включала. Думала, сделаю быстро, пока ты спишь.

— А зачем тогда держишь это? — спрашиваю я, кивая на банку. — Это же не кофе.

— На всякий случай, — говорит она. — Вдруг гости придут. Или ты вдруг захочешь.

Наташа достаёт кофеварку — самую дешёвую, от неё воняет пластиком.

— Ой, а к ней же другой кофе нужен? А у меня только этот, — разводит руками.

Киваю в ответ. Просто ставлю чайник, слушаю, как начинает шуметь вода, будто пытается заполнить тишину, которая между нами растёт с каждым словом.

Наташа суетится.

Бьёт яйца в миску слишком резко, будто пытается выплеснуть раздражение. Жарит глазунью, с улыбкой кидает щепотку соли.

— Ой, кажется, пересолила. Сейчас.

Смотрю, как она пытается всё исправить: добавляет воду, зелень, будто это поможет. Подаёт блюдо с хлебом, который уже немного заветрился.

Трогаю яйцо вилкой.

— Желток должен быть жидким, — говорю я, пробуя. И сразу чувствую, как внутри поднимается раздражение. Не из-за еды, а из-за того, что здесь всё неправильно. Слишком я стар, чтобы отказываться от комфорта или менять привычки.

— Я думала, тебе нравится прожаренный, — говорит она, рисуя носком круги.

— Нет, — отвечаю я. — Я люблю, когда он течёт. А вот Аня... — начинаю я, не думая, просто потому, что слова сами врываются, как воспоминание, которое я не хотел вспоминать. И сразу понимаю, что перегнул, что сказал то, чего нельзя было говорить, что разрушил хрупкое равновесие, которое она пыталась построить.

— А вот Аня с тобой жила девять лет, — перебивает она. В голосе уже нет улыбки — только напряжение, которое она больше не может сдерживать. — Конечно, она знает, сколько

сахара тебе нужно, какой хлеб ты любишь, сколько минут жарить яйцо. А я? Мы встречались в гостиницах, на пару часов, в перерывах между твоими делами. Откуда мне знать, как ты пьёшь кофе, если ты сам не говорил? Откуда мне знать, что ты не ешь чёрный хлеб по утрам? Я стараюсь. Ты придираешься. Я до этого ни с кем не жила. Дай мне немного времени. Но ты не даёшь мне шанса, потому что всё время сравниваешь. Ты смотришь на меня как на замену. А я хочу быть первой, хотя бы для тебя.

— Прости, я старый брюзга, — целую её в висок. — Я не со зла. Просто захлестнули эмоции. Ты точно ни в чём не виновата.

Проверяю телефон. От Аньки ничего. Как она может так спокойно отпустить мужика? Громко вздыхаю. Наташка делает вид, что не замечает, но я вижу, как её бесит это утро. Я в этом не одинок.

Смотрю на её старания, на улыбку, которую она держит как маску. На её руки, которые всё ещё дрожат от обиды, хотя она пытается этого не показывать.

— Слушай, может, я поторопился жить вместе? Вот так беспардонно ворвался на твою территорию.

Лицо Наташи становится каменным.

— Ты уходишь?

— Мы уходим. Я думаю, на служебной квартире нам будет проще познакомиться поближе. Там, по крайней мере, всё сделано под мои запросы. Кофеварка есть, хорошее зерно, доставка продуктов за пятнадцать минут и кафе внизу — если желток запёкся, а хлеб немного подгорел.

12.

Аня

Сажу за столом, заканчиваю перевод статьи о новых тенденциях в детской литературе за рубежом. И вдруг понимаю, что день прошёл, а я даже не чувствую усталости. Думала, к вечеру на меня навалится тишина — особенно та, что осталась после его шагов, после его голоса, после его молчания, которое я пыталась заполнить. А сегодня уже ничего не тяготит. Я не спешу включать свет, сижу в полумраке и смотрю, как за окном гаснут огни в соседнем доме.

У меня появилось слишком много времени. Раньше оно уходило на него: на ожидания, приготовление вкусного ужина, разговоры, которые не складывались, на попытки угодить и понять, что он чувствует, на молчание, которое я пыталась превратить в близость. А теперь я могу сделать что-то для себя. Может, записаться на танцы? Или просто сесть в поезд и уехать туда, где я никого не знаю и никто не спросит: «А где твой муж?» — потому что я больше не та, кто отвечает за его отсутствие.

В полумраке светится экран телефона. Звонит Женя — моя... знакомая или подруга. Она постоянно кочует из одного статуса в другой. Та самая, что была на свадьбе, стояла рядом, держала мой шлейф и шептала: «Ты счастливая. Он идеальный».

Был период, когда мы не общались из-за пустяка, который заставил меня задуматься. Она пришла ко мне перед сдачей академического минимума.

— Ань, хватит качать мозги, лучше бы качала задницу. Сорок восьмой размер — это неприлично, — Женя вытащила у меня из рук учебник.

— Что? — Если бы у меня были очки, я бы точно их поправила. — С каких пор размер одежды определяет меня как человека?

Потом мы почти год не общались. Со временем поговорили, и я начала чётче обозначать свои границы.

— Привет, — говорит она. Теперь её голос звучит будто из другой жизни: слишком громко, слишком уверенно, словно она знает, что правильно, а что нет. — Как ты?

— Живу, — отвечаю я, отодвигаю ноутбук и беру чашку с остывшим чаем. — А ты?

— Устала. Ремонт, сама знаешь, дело такое.

— А ты что, сама его делаешь? А Макс?

— Макс строит жизнь в новой семье, — говорю я спокойно, будто пересказываю чужую новость, будто его уход — не моё сердце, разбитое на части, а просто факт, который уже не причиняет боли. — Он там.

— Ого, — говорит она, и в голосе появляется что-то, чего я не могу определить: то ли удивление, то ли осуждение. — А ты... не плачешь?

— Нет, — отвечаю я. — Зачем?

— Ну как зачем? — Она усмехается, но как-то грустно. — Ты его отпустила! Макса? Ты вообще понимаешь, кто он? Мужчина всегда востребован. Умный, успешный, с чувством юмора, с положением. А ты... ну, ты же не первой свежести. Как ты теперь жить будешь?

Я замираю. Чашка в руке. Такое ощущение, будто мне дали пощёчину.

Не сразу понимаю, что она сказала. Потом переспрашиваю медленно, будто взвешивая каждое слово:

— Повтори, чтобы я правильно услышала: ты считаешь, что я совершила ошибку, отпустив мужчину, который ушёл к другой, и теперь мне, женщине «не первой свежести», остаётся только ждать, пока он перебесится и вернётся?

Чеканю слова. Конечно, в моей голове женская дружба выглядит по-другому.

— Ну, я не это имела в виду, — начинает она юлить. Голос становится мягче, но уже поздно. — Я просто... переживаю за тебя. Макс — не кто попало, он твой муж. Он тебя любил, вернётся.

— А зачем? Проверить, насколько я свежая, снять плесень или сдуть пыль? Жень, ну ты в своём уме? Мне не надо, чтобы он возвращался. Я же не кандалы, чтобы его удерживать.

— Аня, ну ты же несерьёзно, — говорит она. — Ты же не думаешь, что сможешь найти кого-то лучше?

— Я не ищу, — отвечаю я. — Я просто живу. А если тебе приятно защищать Макса, если тебе легче считать, что я потеряла его, а не отпустила, — пожалуйста, делай это рядом с ним. Моё пространство засорять собой не нужно.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, — говорит она, но голос уже не такой уверенный, будто она вдруг поняла, что перешла черту.

— Я и сейчас счастлива, — говорю я. — Просто не так, как ты думаешь: с прокачанными мозгами и большой задницей.

Не дожидаясь ответа, я кладу трубку. Просто заканчиваю разговор, будто ставлю точку в предложении, которое давно не имеет смысла.

Интересно, может, со мной что-то не так? Почему люди в один момент решили от меня отсоединиться?

Сию, слушаю тишину и не чувствую боли. Чувствую только напряжение — не из-за слов Жени, а из-за того, что даже близкие люди не видят меня такой, какая я есть. Не видят, что я не проиграла, что я не осталась одна.

Я просто выбрала себя. И это, оказывается, страшнее, чем слёзы.

В этот момент слышу, как в замке поворачивается ключ.

Я замираю. Сердце на секунду перестаёт биться, будто вспоминает, что он был здесь, что тысячу раз входил в эту дверь, что это был его дом.

Дверь открывается.

Макс стоит на пороге.

— Привет, — говорит он. — Я вернулся...

Я смотрю на него. На его лицо. На глаза, в которых нет ни извинения, ни объяснения — только усталость и привычка.

— Надеюсь, за вещами?

13.

— Ань, я даже не замечал, что ты такая язва, — Макс поднимает брови, и лицо у него становится смешным. — Мы ж с тобой столько пережили, столько всего вместе преодолели...

— Макс, а ты циник! Думал, я рыдаю? Мне-то всё равно, но видишь: твоя совесть тебя душит. Так всегда с предателями случается.

— Да брось. Мне не нужны твои слёзы, сама знаешь: я их терпеть не могу, для меня это средство манипуляции, — говорит он, не глядя на меня, будто стыдится своего прихода. — Хотел забрать кое-что, пока ты дома.

— Пока я дома, — повторяю я. В голосе нет ни сарказма, ни злости — просто констатация. — А если бы меня не было?

— Тогда бы пришёл позже, — блеет он, но я вижу, как его пальцы сжимают ручку сумки.

— Ты врёшь. Макс, ты сам открыл дверь, а меня могло не быть дома. Что-то ты не стал особо заботиться о моих границах.

Я не двигаюсь. Стою у окна, где уже висят новые шторы — плотные, тёплого персикового оттенка. Не те, что мы выбирали вместе, не те, что пропускали слишком много света и чужих взглядов.

Смотрю на Макса как на человека, который когда-то был частью моей жизни, а теперь — просто гость, которого я не приглашала.

— Кухню переделываешь? — спрашивает он, проходя вглубь квартиры. Осматривается и останавливается у стола, где лежат каталоги с плиткой, образцы краски и карандаш, которым я отмечала понравившиеся оттенки. — Слушай, Ань, а ты недолго горевала. Всё под себя уже переделала.

— Макс, не тяни резину. Если есть что сказать — говори, нет — тогда тебе пора.

— Ты... как? — спрашивает он, не поворачиваясь.

От его вопроса аж в горле пересыхает.

— Живу. Ты надеялся на что-то другое?

— Я... понял, что поступил плохо, — говорит он, и в его голосе появляется что-то, что раньше я приняла бы за раскаяние. — Вот решил посмотреть, как ты. Может, тебе что-то нужно? Какая-то помощь?

Я смеюсь, вернее, усмехаюсь, будто он сказал что-то наивное, будто вернулся из путешествия и спрашивает, не пропустил ли чего важного.

— Ты думал, я тут в страшных корчах лежу? — спрашиваю я. — Что рыдаю в подушку, смотрю наши фото и кричу: «Почему?» Или сижу с бутылкой вина и жду, пока ты поймёшь, что ошибся? Не дождёшься! Я не рыдаю! А новая жена знает, что ты тут? — спрашиваю я. — Или она думает, что ты в командировке? Или ты просто решил заглянуть к старой, пока новая не заметила?

Говорю так, будто раскрываю секрет вселенского заговора.

— Ань, перестань.

— Сам понимаешь: я женщина спокойная, нескандальная, последнее своё отдаю. А она-то другая — нахрапистая, гопница дворовая! Как сейчас выскочит, как выпрыгнет — и полетят клочки по закоулочкам. Вцепится мне в волосы, и что тогда? Ты хоть и был любимым мужем, но я не готова за тебя пострадать, прости уж.

— Ладно, я сейчас ещё пару вещей заберу и уйду. Не переживай, расчищу тебе пространство для новой жизни.

Макс идёт в спальню, я слежу за каждым его движением. Как бы я сейчас ни хорохорилась, видеть его всё равно больно. Я всё пытаюсь объяснить себе: если он меня уже давно не любит, то как же прогулки, свидания, вечерние посиделки? Разве можно было так хорошо всё

это имитировать? А если любишь, разве можно пойти налево, зная, как будет больно человеку, который тебе верит? Не понимаю.

Он открывает шкаф, достаёт ещё несколько рубашек, джинсы, пару брюк. Всё это скидывает на нашу кровать.

— Пакет дай, — говорит он с претензией.

— Ага, уже бегу. У тебя десять минут. Постарайся поскорее собраться, у меня свои планы.

Выхожу из спальни, иду в гостиную. Сажусь на диван, жду.

Макс проходит на кухню, берёт пакет с эмблемой супермаркета, закидывает в него вещи.

— Я надеюсь, ты больше не придёшь. Проживайте свой адаптационный период без меня.

— Не ерпенься. Ты сначала без мужика поживи, потом видно будет.

— И да, я иду на матч к Арсению. Это чтобы тебя приступ не хватил, когда меня на трибуне увидишь, — говорю я, натягивая улыбку. Она переходит в оскал.

— Зачем? Решила воздействовать на меня через моего сына? Он тебе чужой.

— Тебе пора.

Макс — тварь, знает, на что надавить, чтобы стало больно. Как у этого поганца повернулся язык такое сказать? Выдыхаю. Мне, в общем-то, всё равно, что он говорит. Главное — что думает сам Арс.

Макс с видом победителя идёт к выходу и хлопает дверью.

Захожу в спальню. Как всегда после Макса — срач. Достаю из отделения с постельным бельём своё любимое оливковое, расстилаю его на полу, сверху выбрасываю все вещи Макса. Гора получается приличная. Выбросить — слишком просто. Достаю две рубашки: на даче смастерю огородное пугало.

Захожу на сайт собачьего приюта: там всегда принимают вещи на подстилки. Пусть «тузикам» будет комфортно спать на хорошем кашемировом свитере.

Сразу оставляю заявку и в «Собираторе», где принимают вторсырьё на переработку, и в приюте. Если человек так себе, пусть хотя бы его вещи послужат добру.

14.

Наташа

Всё утро на нервах: как-то Макс некрасиво ушёл. Неужели я так бестолково могла его спугнуть? Хожу из стороны в сторону, жду.

«Авдеева, 15, кв. 72. Ключ у консьержки, я предупредил».

Перечитываю сообщение от Макса ещё раз. Он не смылся! Пока не передумал, хватаю пакет, скидываю в него самое необходимое.

Смотрю на ценник такси — что-то негуманно, больше тысячи рублей. На маршрутке доеду, мне не привыкать.

Сорок минут в пути, две пересадки — и я на месте.

Дом шикарный. Надо с соседями познакомиться: вдруг эта клуша передумает отпускать Макса — что мне тогда делать? А так я себе запасной аэродром найду.

В холле консьержка. Сразу видно: раньше работала училкой химии или физики. У меня на таких стерв чутьё.

— Мне должны передать ключи. Макс... Фамилии не помню.

Вернее, не знаю, но бабка об этом не узнает. Она делает неприятную рожу и молча подаёт мне ключи.

Захожу, как будто это уже мой дом, как будто я не гостья, приехавшая на час между его делами, а женщина, которая имеет право оставить след, не спрашивая разрешения.

Вставляю ключ в замок, поворачиваю — дверь открывается легко, будто ждала меня, будто сама квартира знает, что я пришла не впервые и уже не уйду.

Снимаю туфли в прихожей, ставлю сумку на пол — не на коврик, а прямо посреди комнаты, чтобы он увидел, что я была, чтобы понял: я здесь и не исчезну, как тень. Прохожу вглубь, касаюсь стен, провожу пальцем по дверному косяку, будто проверяю, настоящая ли эта жизнь.

Квартира светлая, с высокими потолками, серыми стенами и тёмной мебелью. Всё строго, без лишних деталей. На кухне — минималистичная чёрная столешница с едва заметными царапинами, старый, но чистый холодильник с магнитом из какого-то отеля.

Открываю холодильник и сразу вижу банку — красная икра в дорогой упаковке с золотой этикеткой. Беру её, не раздумывая, снимаю крышку. Всплывает солёный, морской, насыщенный запах — как сама победа.

Беру ложку из ящика, не мою, просто провожу по внутренней стороне банки, набираю полную ложку и подношу к губам. Зёрна лопаются на языке — солёные, плотные, чуть маслянистые. Я закрываю глаза, будто это не икра, а подтверждение: «Ты здесь. Ты это заслужила». Ем медленно, с наслаждением, с чувством, что теперь могу брать, не спрашивая.

Потом иду в спальню.

Касаюсь кровати: постель не заправлена, простыня сбита, подушка вмята, будто он только что встал. Сажусь на край, провожу рукой по простыне. Смотрю на тумбочку: ни фото, ни книг — только будильник и пульт от телевизора.

Никаких следов женщины, никаких намёков на Аню. И я улыбаюсь, потому что это значит: он не таскает прошлое с собой.

Встаю, прохожу в гостиную, включаю телевизор, сажусь на диван, поджав ноги, будто живу здесь. Ставлю банку с икрой на журнальный столик. Смотрю в окно: город внизу горит огнями, машины едут. А я наконец-то получила по заслугам!

Делаю фотографии, отправляю сестре. Лизка сразу перезванивает. Лопнула там, наверное, от зависти. Вот и пусть теперь говорит, будто я всё делаю неправильно. Сама бы всё отдала, чтобы оказаться на моём месте.

— Ну что, королева, — говорит она, и я слышу, как она жуёт чипсы. — Уже корону примеряешь?

— Я уже в замке, — отвечаю я. В голосе не хвастовство, а торжество. — В его квартире. Он дал ключ. Я открыла банку икры. Ем не на хлебе, как нищеводка, а сразу ложкой. Предлагаешь?

— Опять ты всего добиваешься через одно место, — фыркает она. — Через постель, через чужих мужчин, через чужие жизни. Ты бы сама что-нибудь построила, а не лазила по чужим лестницам.

— Ага, — говорю я, встаю, иду к зеркалу, поправляю волосы, смотрю на себя. — А ты построила? Сидишь в офисе, получаешь пятнадцать тысяч, мечтаешь о коте, которого не можешь себе позволить, и говоришь мне, как жить. А я уже не мечтаю. Я беру.

— Ну и радуйся, — бурчит она. — Только не забудь: следующая остановка — одиночество и собес или биржа труда, когда он тебя бросит.

— Он не бросит, — говорю я. — Потому что я не та, кого можно бросить. И, кстати, чем не история из «Красотки»? Я не на улице, но тоже не из богатой семьи. Не любовь с первого взгляда, но он меня выбрал. Я не идеальная, но он меня хочет. Чем не Вивиан?

— Вивиан не открывала чужой холодильник и не ела икру, как будто это трофей, — смеётся Лизка.

— А я не Вивиан, — дерзко отвечаю я. — Я Наташа.

— Ты уверена, что он тебя любит? — спрашивает она.

— Лиз, а ты уверена, что любовь — это когда тебе дарят цветы, а не когда дают ключ от квартиры?

Потом она молчит. Я прямо слышу, как подбирает слова, чтобы сказать мне что-нибудь обидное.

— Ну и живи. Только не плачь потом, когда поймёшь, что ты не королева, а просто женщина, которая заняла чужое место.

— А ты лучше будь кухаркой в своей халупе, — отвечаю я. — А я попробую быть королевой. Хоть один день.

15.

Аня

Почти неделю живу одна. Привыкаю, начинаю строить свою самостоятельную жизнь. Даже сходила на девичник с психологом, отлично провела время. Только все пытались меня пожалеть: если у женщины развод — всё, больше нет поводов для радости. Ложись и помирай.

Вот и не пойму, где искать окружение, чтобы не быть белой вороной.

Наливаю стакан тёплой воды, предвкушаю новый день — как советуют специалисты из сети. Смешно, но почему бы не поставить эксперимент? Тем более никаких вложений не требуется.

На столе вибрирует телефон. Женя звонит снова, как будто между нами не было неприятного разговора. Интересно, она забыла, что я «не первой свежести» и что мне теперь нечего ждать от жизни?

Смотрю на экран, вижу её имя. Внутри поднимается лёгкое раздражение — не из-за неё, а из-за того, что даже близкие люди не видят меня. Не как женщину, которая нормально живёт одна, а как проигравшую, которую нужно жалеть или осуждать. Как донести до окружения, что я не часть и не придаток Макса, а сама по себе, вполне цельная?

И всё же беру трубку, потому что когда-то мы были подругами, и я хочу понять, где проходит грань между заботой и вмешательством. Ну и узнать, что же ещё обо мне думает «подруга», — хоть как-то разнообразить досуг.

— Ну, я уже волноваться начала. Как ты там? Макс вернулся? — спрашивает она, не здороваясь, будто я информационное агентство.

Сижу на краю дивана. Пальцы сжимаются вокруг телефона, будто я держу не трубку, а границу, которую она только что переступила.

— Жень, у тебя есть возможность узнать это не от меня, а от самого Макса, — намекаю я, что его номер у неё есть.

— Пришёл? Я удивлена, — растерянно произносит она.

— Ага, за поводок потянула — ошейник к ноге и притянулся. Жень, я удивлена: ты ко мне в подруги напрашиваешься, а обо мне ничего не поняла.

— Аня, не умничай, — говорит она. — Все знают, что он нашёл помоложе. Ты же сама подтвердила, что он ушёл к другой.

— А ты, значит, уже со всеми поделилась? — спрашиваю я. Встаю, подхожу к окну с новыми шторами. Трогаю ткань — приятная на ощупь. — И теперь звонишь уточнить, вернулся ли герой? Слушай, Женя, я не информационное бюро. Все новости можешь получать от него, сплетен не будет. И знаешь, мне кажется, друг из нас не получится. Не звони мне больше.

— Ну и сиди одна, — фыркает она. В голосе звучит обида, будто я предала не только Макса, но и всех, кто считал меня «нормальной женщиной». И в этот момент я понимаю: они переживают не за меня, а за порядок, за то, что я нарушила правила. Спрашивая, как дела, все хотят услышать, что у меня всё хуже, чем у них. Не дождутся.

— Подруга не спрашивает, когда вернётся бывший муж, — отвечаю я, хотя знаю, что она услышит только то, что хочет. — Подруга спрашивает: «Как ты себя чувствуешь?»

Я не жду ответа и не ссорюсь. Просто кладу трубку, будто ставлю точку в предложении, которое давно не имеет смысла. Сижу в тишине и чувствую, как внутри что-то сдвигается. Не боль, не злость, а освобождение — будто я наконец перестала оправдываться.

Через несколько часов иду в спортзал. Своей фигурой я вполне довольна, а вот физической активности маловато. Хочу почувствовать, как тело слушается, как двигается, пытается

поймать незнакомый ритм. Танцы — новая, неизведанная грань, которую мне хочется исследовать; новый язык, который я только начинаю изучать.

Я записалась на бачату.

Зал уже полон. Музыка громкая, тёплая, с басами, которые бьют в грудь, будто пробуждая что-то давно уснувшее. Люди двигаются легко, как будто танец — это дыхание, как будто они не учатся, а просто живут.

Я встаю в конец зала, стараюсь повторять за инструктором, но руки не слушаются, ноги путаются, ритм ускользает — будто я не в такт самой себе. И мне от этого не грустно. Я получаю удовольствие. Через десять минут уже не смотрю на инструктора.

Я просто двигаюсь. Пусть не совсем правильно, угловато и не так красиво, зато как же здорово!

После занятия сижу в раздевалке, пью воду, чувствую, как пот стекает по вискам, а грудь тяжело вздымается. Пульс постепенно успокаивается. Я смотрю в зеркало.

На меня смотрит женщина с немного размазанным макияжем и растрёпанными волосами. На щеках — румянец, которого не было уже несколько недель, а в глазах — что-то тёплое, чему я не могу подобрать название.

Поднимаю глаза. В самом конце раздевалки, у шкафчика, стоит девушка и смотрит на меня с ухмылкой. Что-то диктует в телефон. Лицо знакомое, но я никак не могу понять, где же я её видела.

16

Я сижу в раздевалке, где пахнет потом, кремом для тела, эфирными маслами и кофе, который кто-то принёс в термосе. Чувствую, как тело постепенно остывает после занятия: мышцы пульсируют, спина расслабляется, кожа покалывает от прохладного воздуха, просачивающегося сквозь щель в двери.

Вокруг шум: женщины смеются, переодеваются, хлопают шкафчиками. Кто-то включает музыку в наушниках, кто-то обсуждает, как не успевал за ритмом, кто-то хвалит инструктора. Я сижу на скамейке у стены, босыми ногами касаюсь прохладного линолеума. Пальцы ног слегка онемели после тренировки. Я медленно развязываю шнурки танцевальных туфель, не торопясь, будто это ритуал — возвращение к себе, к тишине, к тому, что принадлежит только мне.

Перевожу взгляд на девушку, которая уже минут пять пытается поймать мой взгляд. Что ей нужно?

Она встаёт, будто знает, что все должны на неё смотреть: высокая, в обтягивающих легинсах тёмно-бордового цвета, в куртке с меховым воротником, с идеальной укладкой — будто только что с фотосессии. На ногах странноватые кроссовки, на плече сумка под известный бренд, но и издалека видно, что это дешёвая реплика.

Продолжаю развязывать шнурки, чувствую, как грубая ткань скользит по пальцам, как тело помнит каждый шаг, каждый поворот, каждый момент, когда я не сдалась, даже если ритм ускользал.

Мне нет до неё дела. Конечно, память быстро достаёт из чулана воспоминаний фотографию, на которой я видела эту мадам. «Младшая жена», — раздаётся у меня в голове смешок.

У Макса всегда был хороший вкус на женщин, а теперь — такая абсолютная распушенность в выборе спутницы. Ладно, успокаиваю себя. Это, наверное, во мне женская зависть говорит. Это их жизнь, меня она не касается.

Девушка не уходит, подходит ближе и останавливается в паре шагов. Я чувствую запах её духов — сладкий, насыщенный, с нотками ванили и амбры, будто она пытается оставить след, который я не смогу забыть.

— Вы меня не узнаете? — спрашивает она спокойно.

Но я узнаю этот тон. Ещё раз убеждаюсь: эта мадам считает меня соперницей, хотя делить нам нечего. Её голос слишком громкий, слишком уверенный, будто она ждёт, что я вздрогну, испугаюсь, начну кричать или уйду.

Я медленно поднимаю взгляд. Смотрю на неё снизу вверх спокойно, без злости и интереса, будто оцениваю случайную встречу — не более.

Макияж вызывающий: розовые тени выглядят как конъюнктивит. Волосы хорошо уложены, но корни можно подкрасить, а концы — привести в порядок.

Она ждёт реакции — судя по меняющемуся выражению лица, хоть какой-нибудь.

— Нет, — говорю я. — Вы ошиблись.

— Вы же Аня, я вас сразу узнала. Я...

— У меня таких подруг и знакомых нет. Я бы точно запомнила. У меня хорошая память.

Она замирает на долю секунды. Её улыбка дрожит: она не ожидала безразличия, ждала слёз, истерик и обвинений, а не спокойного взгляда и холодного «я бы точно запомнила», будто она не угроза, а случайная прохожая, которую можно забыть.

Странно. Неужели она правда думала, что я стану прилюдно выворачивать своё грязное бельё и пускать кого-то в свои переживания?

— Вы же Аня, — говорит она. — Жена Макса.

— Это вы жена Макса, а мне этот человек уже никто, — уточняю я. — И, кстати, вы так и не представились. Но я могу называть вас мисс Истеричка.

Она не отвечает. Стоит, переминаясь с ноги на ногу, пытается понять, играю я или говорю правду.

Я встаю, беру сумку, не спеша натягиваю куртку. Чувствую, как прохлада касается кожи, словно уличный ветер вымывает остатки напряжения.

Она не уходит. Стоит и смотрит, как я прохожу мимо.

Звенит телефон. Это Арсений. Я улыбаюсь, ещё не ответив: его голос напоминает, что есть люди, которые не ждут от меня драмы, а просто хотят, чтобы я была рядом.

— Привет, Ань, — говорит он. — Напоминаю про матч. В воскресенье. Ты же помнишь?

— Помню, — улыбаюсь я. — Я приду. Обещала.

— Слушай, — он делает паузу. — Отец сказал, что может прийти с новой девушкой. Я подумал, тебе надо об этом знать. Вдруг тебе будет больно или неприятно. Знай: я всегда на твоей стороне. Ты мне как... — он подбирает слово, — как старшая подруга. Если что, я пойму. Ты же знаешь, какой он...

— Арсений, — перебиваю я. — Мне всё равно, что происходит в его жизни. Ты для меня тоже близкий человек. Не знаю, есть ли в языке слово, которое описывает наше родство. «Сын от первого брака бывшего мужа» звучит не очень дружелюбно, правда?

— Ну, как-то да. Печальненько, но креативненько.

— Вот. Так что, мой любимый сын моего бывшего мужа, я приду к тебе. А не к нему.

Он молчит, но я чувствую, что улыбается.

— Спасибо. Просто... я не хочу, чтобы ты страдала.

— Да брось!

Кладу трубку.

— Эй, думаешь, ты сможешь вот так от меня уйти? — Девушка из спортзала идёт за мной. — Хочешь отнять у Макса сына, настроить его против меня? Стой, нам надо поговорить.

17.

— Если раньше за мной мужчины бегали, то теперь женщины. Никогда бы не подумала, что дело дойдёт до такого, — останавливаюсь и оборачиваюсь.

Наташа догоняет меня. Каблуки огромные. Как она, бедная, на них по нашему бездорожью ноги не переломала? Интересно, до какой степени она верит в свою победу. Когда подходит ближе, я вижу, как дрожат её пальцы, как напряжены плечи, как она сжимает губы.

— Добрый вечер, — вырывается у меня смешок. — Если собирались ходить за мной по закоулкам, надо было быть дальновиднее: или предупредить меня, чтобы я надела ходули, или самой обуться нормально, чтобы мы с вами были в одинаковых условиях. Я понимаю, что любить и уважать мне вас не за что, но мизогиния — не мой конёк.

У неё прямо на лбу написано: она боится, что всё это временно, что в любой момент может проснуться и обнаружить, что Макс снова ушёл, не оставив ни слов, ни следа, — только пустоту, в которую она так отчаянно пытается влить себя.

— Женщина, — в её голосе звучит язвительность — что-то острое, почти отчаянное. Будто она говорит не со мной, а с самой собой, пытаюсь убедить себя. — Я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Я очень люблю Макса. Это моя история. Мы с ним прямо как Эдвард Льюис и Вивиан, если тебе о чём-то говорят эти имена.

От неожиданности я закашливаюсь.

— А это прямо странное заявление. Впервые вижу такую откровенную женщину, которая вот так, незнакомому человеку, признаётся, что работает проституткой на трассе. Ну, такое себе сравнение, если честно, но не осуждаю. Может, история Бонни и Клайда была бы уместнее, но тут только вам решать.

— Хватит ерунду нести! Какая ещё Бонни? Я на неё вообще не похожа. Мы говорим о тебе! Зачем тебе общаться с Арсением? Вы же не родственники, ты не его мать. Он должен привыкать, что ты ушла из его жизни. Теперь с его отцом я! Ты бывшая, просто призрак.

Я смотрю на неё снисходительно. Просто смотрю — как на человека, который говорит о любви, но не знает, что это такое.

Ветер шевелит её волосы, но она не поправляет их, будто боится потерять контроль над позой и выражением лица, боится перестать выглядеть сильной. На ней всё идеально: куртка, макияж, укладка — будто она пришла на встречу, которую репетировала в голове сотню раз.

— И что тебе от меня надо? — спрашиваю я. — Ты пришла, чтобы я признала, что ты королева? Наташ, ты Вивиан, я всё поняла. Я с этим согласна, ради бога. «Красотка» — шикарный фильм, но многое остаётся за кадром. Я за Макса бороться не буду, я его отпустила. Он ушёл. Он твой. Теперь твоя проблема — то, что он постоянно куда-то виляет, не может быть с кем-то надолго и не умеет быть счастливым. А я не преследую. Я живу.

— Ты не веришь, что он может любить меня? — спрашивает она. В голосе уже дрожь, будто она ждёт, что я скажу: «Да, ты права», — и тогда наконец почувствует себя в безопасности.

— Верю. Очень за вас рада. Я могу быть свободна? А то там по телеку мои старушечьи сериалы про богатую жизнь показывают.

— Он не вернётся! — вырывается у неё. Голос уже не спокойный, а резкий, почти истеричный. — Он любит меня! Ты специально отпустила его, — вдруг говорит она, и в глазах вспыхивает что-то жёсткое, почти злобное. — Как собаку на поводке. Отпустила подальше, чтобы потом резко потянуть обратно, когда он устанет бегать. Ты хитрая, всё рассчитала.

После тренировки у меня нет никаких сил слушать эту малосвязную речь. Может, она сама не верит, что ей такой шикарный мужик обломился. Пусть не ободряется.

— Да, ты меня раскусила, — говорю я, становясь излишне серьёзной. — Прямо сейчас я сижу и плету заговор. Сижу в тени, как паук, и жду, когда он устанет от тебя. Я специально не звоню, не пишу, не прошу его скучать. Всё рассчитала. Вот только не знаю, зачем мне это, если я его уже не хочу.

Она молчит, пытается понять, шучу я или нет.

— Давай эксперимент?

Достаю телефон, набираю Макса. Он отвечает почти сразу: на лице улыбка, глаза блестят.

— Родная, — говорит он, и в голосе звучит торжество. — Я так и знал, что ты скоро соскучишься. Готова, чтобы я вернулся?

Я не отвечаю. Медленно поворачиваю телефон и навожу камеру на Наташу. Она замирает, глаза расширяются. Понимает, что попалась.

— Нет, — говорю я. — Я тут Эдварда Льюиса разыскиваю: его Вивиан потерялась. Приезжай и забирай.

Нажимаю «Отбой». Смотрю на Наташу, на её лицо, с которого постепенно сходит уверенность.

— Макс с техникой не везёт, заметила? Уже второй раз камера и телефон его подводят.

18.

Аня

Я приезжаю на стадион пораньше: хочу успеть почувствовать это место — запах свежескошенной травы, смесь адреналина и шума, уже витающего в воздухе. На щеках — эмблема клуба, на шее — старый шарф. Покупала его ещё на первый матч Арсения.

Подхожу к кассе. Набираю Арсу, как и договаривались.

— Аня, прости, нас уже не выпустят. У нас через пять минут разговор-наставление с тренером. Я попрошу Юрия Олеговича сейчас вынести тебе билет. Прости, — слышу, что ему и правда неудобно. — Надо было оставить его в кассе. Вон ребята говорят, так прокатывает. Я не догадался. А отец свои два билета вчера вечером забрал.

— Не переживай, всё хорошо! Крутой игры и победы!

Минут пять стою у входа. Народ прибывает — весёлые, разрисованные, с флагами команды на щеках.

— Добрый день, Анна? — выходит мужчина в тренерском костюме. — Вы у нас самая большая и надёжная поддержка команды? Раз Арсений отказывается выходить на поле, пока вас нет на трибуне.

Он протягивает мне билет.

Забираю его, иду ко входу, стараюсь влиться в толпу.

Арсений ждёт меня у входа в сектор. Увидев, бросается ко мне, как мальчик, которому важно, что я здесь. Обнимает крепко, почти сжимает.

— Анька, спасибо, что пришла. Мама тоже будет, но у неё билеты в другой сектор. Сядет на другой стороне, чтобы всем было комфортно. Надо мной и так все ржут, что у меня две мамы и новая мачеха, и все придут болеть.

Ах да, про Вивиан я совсем забыла. Сейчас она своего спонсора притащит.

— Умница. Успеха вам! Я вон все пальцы крестиком держу, чтобы всё получилось.

Он ещё раз быстро меня обнимает. До матча — последние приготовления, и ему надо бежать.

— А папа опаздывает. Вот думаю, наверное, они не приедут. Говорит, Лолита долго собирается: то макияж, то платье, то фотосессия перед стадионом.

— Ну да, — говорю я. — Она решила затмить всех. Теперь игра обречена на провал. Настоящая звезда приедет только сейчас.

Прохожу к своему месту. Два кресла рядом со мной пустые.

Я не смотрю на них. Не проверяю, кто идёт сзади. Просто сажусь, расправляю шарф, чувствую, как солнце касается лица, как ветер шевелит волосы, и вдруг понимаю: я искренне переживаю за матч, за его игру, за его команду.

Матч начинается. Гул трибун. Свистки. Крики. Даже у меня адреналин зашкаливает. Я смотрю на поле, слежу за мячом, переживаю за каждый пас, каждый удар, каждый момент, когда Арсений врывается в атаку. Когда он делает красивую передачу, я не сдерживаю улыбки.

— Красавчик, — говорю я, не оборачиваясь, будто мы с кем-то разговариваем. И в этот момент слышу шаги, чувствую, как кто-то протискивается мимо. Поднимаю глаза.

Свершилось: Эдварда Льюиса притащила потасканная Вивиан.

Она проходит мимо, выпрямив спину, будто проглотила кол. На меня не смотрит, но лицо такое, словно у неё под носом кашка.

— О, старшая жена уже здесь, — говорит Макс, садясь рядом, но не отрывая взгляда от меня. — Весь в отца Арс, правда?

Я медленно поворачиваюсь и смотрю на него.

— Старшая — на той стороне. Ты ошибся.

Отворачиваюсь, снова смотрю на игру.

— Скажи, мой сын красавчик, весь в отца?

— Нет, — отвечаю я. — Он в себя.

Спутница всё тербит Макса, чтобы он отвернулся от меня и занялся ею. Может, у меня скверный характер, но я ненавижу, когда говорят фоном: при просмотре фильма, а теперь — во время игры. Я отвлекаюсь, и меня это жутко раздражает.

В этот момент Арсений ловит мяч, делает обводку, отдаёт точный пас — и трибуны взрываются аплодисментами.

Я встаю, кричу, хлопаю. Макс сидит молча. Смотрит на сына, потом на меня. На Наташу, которая пытается сделать фото, будто это вечеринка, а не матч, где его сын борется за каждую секунду.

— Макс, ты с ней флиртуешь? Она же специально меня провоцирует, — начинает капризничать Наташа.

На соседнем кресле начинается движение: Макс и Наташа меняются местами. Теперь у меня будет новая соседка.

— А ты меня специально спровоцировала, правильно? — толкает она меня. — Ты знала, что Макс испытывает к тебе почти сестринские чувства, вот и решила меня постебать. А я, дура, тебе поверила, пошла с ним ругаться.

— Прямо орала и крушила? — спокойно спрашиваю я. — Надеюсь, ты умеешь перевоплощаться, как Вивиан, которая просто отработывала деньги. В такие моменты тебе надо становиться Харли Квинн. У неё такая сексуальная бита.

Наташа на минуту застывает, смотрит на меня с ужасом. Как живёт человек без капли юмора в запасе?

— Макс, как ты с ней жил? Она надо мной издевается! Хватит смотреть эту ерунду. Я для тебя важнее или вот это представление? — Наташа снова топает ножкой.

— Представление — в цирке, а здесь матч. А тебя, наверное, по ошибке из зоопарка выпустили, — оборачивается к ней мужчина с первого ряда. — Раскудахталась, ещё и оделась как проститутка.

Кажется, даже я за Наташу оскорбилась. На месте Макса я бы сейчас этому хаму навалила. Хотя должна признать: мужик прав.

Но Макс встаёт и тянет Наташку за собой. Никогда не видела, чтобы ему было стыдно за происходящее. Что ж, интересный опыт.

Матч закончен. Команда Арсения выиграла со счётом 2:1. Выхожу. У машины стоит Макс. Один.

— Ты что за цирк устраиваешь каждый день? — говорит он. — Зачем ты ей показала меня? Сегодня специально спровоцировала её на оскорбления! Ты вообще понимаешь, что сделала?

— Я ничего не сделала, — отвечаю я. — Просто повернула камеру, а всё остальное создано твоими руками. Она думала, что ты её герой, Ричард Гир местного разлива. Я ей даже сочувствую: искала любовь, а наткнулась на тебя.

— Ты что, ревнуешь? — спрашивает он. В голосе появляется та самая снисходительность, с которой он говорил со мной в последний раз. — Ань, я всё понял. Ты специально её обижаешь, чтобы я вернулся домой. Что, устала спать в одиночку?

Он хватается меня за руку, тянет к себе. Я отстраняюсь, пытаюсь его оттолкнуть.

— Ты за эти дни превратилась в Снежную королеву — холодную и фригидную. Не переживай, я тебя отопрею, знаю, как тебе нравится. Отдохнула от меня — ну и хватит. Я вер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.